

Покровский А. И. Философ Аристид и его недавно открытая апология: I. Исторические сведения об Аристиде и его сочинениях; II. Перевод апологии // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 4. С. 1–25 (2-я пагин.). (Начало.)

Философъ Аристидъ и его недавнооткрытая апологія.

Историческія свѣдѣнія объ Аристидѣ и его сочиненіяхъ.

Когда на сцену исторической жизни вмѣсто одряхлѣвшаго и умиравшаго язычества выступало полное жизни и силъ христіанство, оно встрѣчено было со стороны языческаго государства и общества упорной и жестокой борьбой. Язычество, имѣвшее за собой традиции древности и престижъ государственной религіи, первоначально думало искоренить христіанство путемъ внѣшнихъ насильственныхъ мѣропріятій, преслѣдуя его, какъ религію *illicitam*; съ этой цѣлью оно воздвигло ожесточенныя гоненія на послѣдователей новой религіи. Но промыслу Божию угодно было обратить это средство въ орудіе противъ самихъ-же гонителей, ибо, по мѣткому выраженію Тертулліана, „кровь христіанскихъ мучениковъ была сѣменемъ новыхъ христіанъ“.

Кромѣ внѣшняго преслѣдованія, язычество пользовалось и другимъ, хотя, повидимому, и менѣе страшнымъ, но по существу болѣе опаснымъ для христіанства средствомъ,— это, именно, литературной полемикой противъ него. Здѣсь ученые представители язычества старались выставить христіанство въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, изображая послѣдователей его людьми безъ всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій и опасными революціонерами, враждебными существующему государственному строю; такимъ путемъ они не только роняли христіанство во мнѣніи общества и оправдывали существовавшія гоненія, но прямо отталкивали отъ христіанства и возбуждали новыя, еще болѣе сильныя преслѣдованія его.

Послѣдователи христіанства, терпѣливо перенося воздвигнутыя на нихъ гоненія и мужественно встрѣчая самую

смерть за исповѣданіе своей вѣры, не оставались безучастны къ такой клеветѣ на христіанство и, въ свою очередь, выдвигали изъ среды себя ученыхъ оппонентовъ язычеству, бывшихъ какъ-бы официальными защитниками христіанства во мнѣніи правительства и общества. Эти лица, оказавшія громадную услугу нарождающемуся христіанству разоблаченіемъ возводимой на него, сознательной или ненамѣренной клеветы, занимаютъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи христіанской церкви, гдѣ они извѣстны подъ именемъ „апологетовъ“.

Авторы этихъ апологій, какъ люди научно образованные, имѣли полную возможность дать сравнительно строгую и точную формулировку своимъ мыслямъ, а какъ официальные защитники христіанства предъ лицомъ правительства и общества, получали достаточныя къ тому побужденія. Отсюда, такимъ образомъ, открывается, что апологетическая литература, какъ памятникъ древнехристіанской письменности, какъ плодъ научно-образованныхъ авторовъ и какъ официальный оправдательный документъ христіанскаго вѣро и право-ученія, имѣетъ не только важное, но и первостепенное значеніе въ дѣлѣ сужденія о современномъ ей положеніи христіанства.

Важность апологетическихъ сочиненій, какъ и всякаго церковно-историческаго памятника, возрастаетъ по мѣрѣ древности ихъ происхожденія. Въ этомъ отношеніи сочиненія первыхъ христіанскихъ апологетовъ, которыми, по свидѣтельству церковнаго историка Евсевія, были аеиняне-Кодратъ и Аристидъ, имѣютъ для насъ особенную цѣнность. Къ сожалѣнію, подлинныя сочиненія этихъ апологетовъ давно уже утрачены; послѣднее историческое свидѣтельство о нихъ находимъ мы у того-же Евсевія, который приводитъ даже небольшую выдержку изъ апологіи Кодрата и говоритъ о существованіи другой подобной-же апологіи, принадлежащей его современнику и соотечественнику-философу Аристиду. Хотя Евсевій дважды упоминаетъ о первыхъ апологетахъ, но то, что сообщаетъ онъ о нихъ, еще слишкомъ недостаточно, чтобы судить объ ихъ сочиненіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Такъ, въ извѣстной своей хроникѣ онъ пишетъ: „Κοδράτος ο ἁγιός ἐστιν ἑτοιμάσας ἐκλογὰς Αἰνίου Ἀδριανοῦ τῷ ἀπολογεῖσθαι τῶν τοῦ εὐαγγελίου ἀπολογίας“

Позднѣйшія-же историческія свидѣтельства объ этомъ предметѣ малочисленны и ограничены, а главное лишены самостоятельнаго значенія, такъ какъ они, по суду критики, представляютъ варіаціи основнаго историческаго свидѣтельства Евсевія ¹⁾.

Такимъ ограниченнымъ историческимъ матеріаломъ о сочиненіяхъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ располагала церковно-историческая наука до послѣдняго времени. По воть, начиная съ 1878 года, въ сравнительно короткій срокъ, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ неожиданныхъ открытій, сразу измѣнившій положеніе вопроса объ одномъ изъ этихъ апологетовъ, доселѣ извѣстномъ почти лишь только по имени,—разумѣемъ философа Аристида.

Рядъ этихъ открытій былъ начать предпринятымъ венеціанскими мекхитаристами изданіемъ отрывка изъ апологіи Аристида, найденнаго ими въ армянской рукописи X-го вѣка (981 г.). Новооткрытый фрагментъ, представляя любопытную находку, да притомъ еще такой глубокой древности, какъ первая половина II-го вѣка христіанской эры, вскорѣ обратилъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ исто-

ὕπερ Χριστιανῶν ἐπέδωκεν... Τοῦτο καὶ Ἀριστιδὴς Ἀθηναῖος φιλόσοφος
ὕπερ Χριστιανῶν ἐκδόουθα τῷ αὐτοκράτορι προσεφώνησεν Ἀδριανῷ. (Chron.
ad. Patr. VIII.). Онъ-же въ церковной исторіи говоритъ: „Κοδράτος ὄρον
προσεφώνησας ἀπαδίδωσιν, ἀπολογία συντάξας ἐπερ τῆς καθ' ἡμᾶς θεοσι-
βείας, ὅτι δι πονηροῖ τινεσ ἀνδρες τοὺς ἡμετέρους ἐνοχλεῖν ἐπειρώτο.
εἰσέται δὲ γίρεται παρὰ πλείστοις τῶν ἀδελφῶν, ἀτὲρ καὶ παρ' ἡμῖν τὸ συγ-
γράμμα... καὶ Ἀριστείδης δὲ πιστὸς ἐνὶ τῇ τῆς καθ' ἡμᾶς ὑμνῶμενος εὐσεβείας
τῷ Κοδράτῳ παρακλησίως ὑπὲρ τῆς πίστεως ἀπολογία ἐπιφώνησας Ἀδριανῷ
καταλλίλοιτι. σώζεται δὲ γε εἰς δεῦρο παρὰ πλείστοις, καὶ ἡ τοῦτον γραφή.“
Hist. eccles. IV, III, 3)

1) Они принадлежатъ, главнымъ образомъ, Иерониму (de viris illustr. XX в epistola ad Magnum—70) и послѣдующимъ какъ греческимъ, такъ и латинскимъ martyрологіямъ. Подробный перечень ихъ смогри въ статьѣ Hennecke „Die apologie des Aristides“ Texte und Untersuchungen IV, II. 2. 1893 г. Оцѣнку ихъ дѣлаетъ Harnack, который, напр. о свидѣт. Иеронима говоритъ: „все это совершенно не имѣющія цѣны украшенія и разрисовки извѣстія Евсевія“ (Texte und Untersuchungen—I, 10 4 s.—, Die apol. des Quadr. und Aristides“). Подобныя же отзывы, какъ о цитатахъ изъ Иеронима, такъ и въ особенности о позднѣйшихъ свидѣтельствахъ дѣлають Pape въ статьѣ „Die Predigt und das Briefsfragment des Aristides“ (Texte und Unter. XII, 2, 35 s.) и Seeberg въ спеціальной монографіи „Der Apol. Aristides“—1891 г. 1 s.

риковъ запада и въ непродолжительное время породилъ тамъ довольно значительную литературу ¹⁾. Вскорѣ была найдена вторая редакція армянской версіи апологіи въ рукописи, принадлежащей Эчміадзинской библіотекѣ и имѣющей на себѣ дату XI-го вѣка; обѣ редакціи армянской версіи повторяютъ одна другую почти буквально, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ послѣдней—апологія Аристиды нераздѣльно соединена съ приписываемой ему проповѣдью. Интересъ къ сочиненіямъ Аристиды значительно возросъ послѣ того, какъ въ 1889 г. удалось открыть полный сирскій переводъ его апологіи, а непосредственно за этимъ посчастливилось найти, наконецъ, и греческій текстъ ея, вошедшій въ составъ житія „Варлаама и Іосафа“, относящагося, по всей вѣроятности, къ 7-му вѣку. Почти одновременно съ этимъ открыты были еще два произведенія, приписываемыя апологету Аристиду, а именно: „Слово на воззваніе разбойника и на отвѣтъ распятаго“ и „отрывокъ изъ письма Аристиды философа ко всѣмъ философамъ“ ²⁾.

Такое множество открытій, сдѣланныхъ въ сравнительно недавнее время, радикально измѣнило положеніе вопроса объ апологетѣ Аристидѣ. Церковные историки запада, — большіе любители археологическихъ находокъ, получили обширное поле для своихъ изысканій, результатомъ чего явилось то обстоятельство, что западная церковно-историческая наука, почти ничего ранѣе не знавшая объ Аристидѣ, создала теперь о немъ цѣлую обширную литературу, переходящую въ оживленную полемику по многимъ частнымъ пунктамъ, касающимся какъ самой личности автора, такъ и приписываемыхъ ему сочиненій ³⁾.

¹⁾ Она указана у *Harnack'a*—*Texte und Untersuchungen* I, 110 s. Русскій переводъ армянск. фрагмента см. въ Православн. Обзор. 1879 г. III. „Отрывокъ изъ апологіи Аристиды“ *И. О. Эмина* 347—352 стр.

²⁾ Лучшій спеціальный очеркъ ихъ данъ *Pape* „Die Predigt und das Briefesfragment des Aristides“—*Texte und Untersuchungen*—XII. 2, 1894.

³⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду слѣдующія журнальныя статьи и спеціальныя монографіи: *Himpel* „Das Fragment der Apologie des Aristides und Abhandlung Luc. XXIII, 42—43“—*Theologische Quartalschrift*—1880, XXXVI. *Harnack* „Griechischen Apologeten“ 2. 100 s. *J. A. Robinson* „The Apologie of Aristides“—edited and translated by I. R. Harris with an appendix by I. A. Robinson—*Texts and Studies*—Cambridge 1891, S. 1. *Harnack* „Die Apolog. des Quadrates und Aristides“—*Texte und Untersuchungen* B. I,

Между тѣмъ русская церковно-историческая наука не только не принимаетъ здѣсь самостоятельнаго участія, но доселѣ и вообще еще чужда интересамъ этой полемики; она не заявляетъ даже и самаго знакомства съ этимъ, не лишеннымъ серьезнаго значенія, вопросомъ. Въ виду этого, ознакомленіе съ его разработкой въ западной наукѣ и сильное собственное критическое изслѣдованіе можетъ служить благодарной задачей для спеціальнаго очерка, поставившаго своей цѣлью, хотя отчасти, исполнить этотъ пробѣлъ. Мы ограничимся пока изслѣдованіемъ первой и важнѣйшей изъ этихъ находокъ — апологіи философа Аристиды. Задача наша въ настоящемъ случаѣ будетъ состоять въ томъ, чтобы, установивши предварительно точку зрѣнія на существующія версіи апологіи и на дѣло реконструкціи ея текста, дать сильный опытъ такой реконструкціи и представить доказательства подлинности апологіи.

Очеркъ апологіи Аристиды.

Очевидно, чтобы судить о подлинности или неподлинности апологіи, необходимо имѣть опредѣленный текстъ ея; а такъ какъ въ данномъ случаѣ мы владѣемъ не одной, а нѣсколькими редакціями текста, то, само собою понятно, должно предварительно рѣшить, въ какой изъ существующихъ версій апологіи Аристиды можно видѣть подлинный текстъ ея? или, если ни одна изъ нихъ не можетъ претендовать на это, то какъ же получить такой текстъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ обязываетъ насъ войти въ болѣе близкое знакомство съ существующими редакціями апологіи Аристиды.

113 s. *Его-же* статья въ *Theolog. Literaturzeitung*—1891 r. 301—325 s. „Beweiss des glaubens“—1891 r. November. „The Contemporary Review“—1891 r. July. *Seeberg*—*Nene Kirchl. Zeitschif* 1892 r.“ 935—960. *E. Egli* „Ueber Verfassungszeit der Apologie des Aristides“—*Zeitschrift für wissenschaftliche Apologie*—1892 r. XXXVI, II. I. Ibidem—*Hilgenfeld* „Zu Apologie Aristides“. *Raabe* „Die Apologie des Aristides“—*Texte und Untersuchungen*—1892, IX, 1. *Hennecke* „Die Apologie des Aristides“—1893 r. IV, 2. *Seeberg* „Der Apologet Aristides“—*Leipzig* 1894 r. *Pape* „Die Predigt und das Briefs fragment des Aristides“—*Texte und Untersuchungen*—XII, 2, 1894 r. *Lauchert*—„Ueber die Apologie des Aristides“—*Revue internationale de Theologie*—1894, april. *Krüger* „Aristides der Verfasser der Briefs an Diognet“—*Zeitsch. für Wissensch. Theologie*—XXXVII, 2, 1894 r. *Vetter*—„Aristides Citaten in der Armenischen Literatur“—1894 r. въ *Theolog. Quartalschrift*.

Какъ мы имѣли уже случай отмѣтить и раньше, первой—именно въ 1878-омъ году—была открыта въ армянской рукописи X-го вѣка и издана мекхитаристами—армянская версія апологій, другой экземпляръ которой вскорѣ былъ найденъ въ эчміадзинской армянской рукописи XI-го вѣка. Она, какъ выяснилось впоследствии, представляетъ изъ себя далеко не полную апологію Аристиды, а лишь отрывокъ изъ нея, именно—двѣ первыхъ главы ея. По мнѣнію компетентныхъ критиковъ, редакція этого перевода по духу, характеру и языку принадлежитъ V-му вѣку ¹⁾. Эта версія служила самостоятельнымъ и отдѣльнымъ предметомъ изслѣдованія по вопросу объ апологій Аристиды только тогда, когда она была первой и единственной; наука, цѣлыхъ XV вѣковъ не знавшая ничего изъ сочиненій Аристиды, рада была и этому, небольшому отрывку, чѣмъ и объясняется, что ей въ свое время было удѣлено не мало вниманія ²⁾. Впоследствии же, когда была открыта полная апологія Аристиды въ сирскомъ переводѣ, армянская версія утратила свое особое значеніе, соединившись съ новооткрытой, и это произошло тѣмъ скорѣй и легче, что армянскій фрагментъ представляетъ поразительное, доходящее часто до буквальности, сходство съ двумя первыми главами сирскаго перевода апологій; отсюда, при сужденіи о версіяхъ апологій Аристиды, Армянская и Сирская обыкновенно не раздѣляются, а обозначаются за одну—SA, какъ напр. у Seeberg'a и Raabe.

Прошло одиннадцать лѣтъ послѣ первой находки и весною 1889 г. англійскій ученый I. Rendel Harris въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ открылъ уже не отрывокъ, а полную апологію Аристиды на сирскомъ языкѣ. Хотя дата рукописи указываетъ на вторую половину VI вѣка, но самъ Harris относитъ ее къ VII-му вѣку, тогда какъ Seeberg,

¹⁾ *Himpel* „Das frag. der Apol. d. Aristid. und eine Abhand.“—Theolog. Quartalschr. 1880, 109 s. и *A. Harnack* Texte und Untersuchungen B. I, 110 s.

²⁾ Армянскій отрывокъ съ неудовлетворительнымъ латинскимъ переводомъ былъ изданъ въ Венеціи въ 1878 году. Лучшій нѣмецкій переводъ его далъ *Himpel*—Theologie Quartalschrift—1879 г. и *Harnack* „Griech. Apologeten“ Русскій переводъ сдѣлалъ г. *Эллисъ* въ Православномъ Обзорѣніи—1879 г. III, 347—352 стр.

наоборотъ, полагаетъ, что переводъ сдѣланъ едва-ли позднѣе 330—340 годовъ ¹⁾.

Эта версія апологіи имѣетъ двѣ надписи; одна, согласно съ армянской, въ качествѣ адресата указываетъ императора Адріана, другая, отличающаяся растянутостью и спутанностью, — повидимому, императора Антонина Пія. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ версій апологіи эта самая пространныя и наиболѣе интересная. Хотя нѣкоторые отдѣлы ея, какъ, напр., трактатъ о классической мифологіи и сужденіе о Дѣвѣ Маріи, и выдають въ ней нѣкоторые слѣды позднѣйшей интерполяціи, однако въ общемъ она производитъ впечатлѣніе глубокой древности и той относительной близости къ подлиннику, какой мы вправѣ требовать отъ перевода ²⁾.

Наконецъ, послѣдняя—греческая версія была открыта совершенно случайно англійскимъ же ученымъ J. Armitage Robinson'омъ, при чтеніи имъ греческаго „житія Варлаама и Иосафа“, составленнаго іерусалимскимъ монахомъ Іоанномъ въ первой половинѣ 7-го вѣка ³⁾. Апологія вложена здѣсь въ уста одного пустышника въ качествѣ его импровизаціи, обращенной къ царю Абеннеру, сынъ котораго, вопреки волѣ отца, принялъ христіанство ⁴⁾. Отличительной чертой этой версіи апологіи Аристиды, при многихъ положительныхъ ея достоинствахъ, служитъ удивительная сжатость, заставляющая подозрѣвать въ ней сокращеніе подлиннаго текста, а также замѣтная приспособительность къ цѣлямъ цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ ⁵⁾.

1) Seeberg „Der Apologet Aristides“ Untersuchungen Apologie 2 s. u Hennecke „Die Apologie des Aristides“—Vorwort IV s. Texte und Unters. IV s. 1893 г.

2) Эта версія въ подлинникѣ и англійскомъ переводѣ издана Rendel Harris и снабжена примѣчаніями J. Ar. Robinson'a въ извѣстномъ изданіи послѣдняго—„Texts and Studies“ Vol. I, № 1. 1891 г. На нѣмецкомъ языкѣ лучшія изданія принадлежатъ Raabe—Texte und Untersuchungen IX, 1, 1892 г. и Seeberg'у „Der Apologet Aristides“ Leipzig—1894 г.

3) Hennecke „Die Apologie des Aristides“ Vorwort IV s—Texte und Untersuchungen IV, 3, 1893 г.

4) Raabe „Die Apolog. d. Aristides“ Texte und Unters. IX, 1, 1892.

5) Первое изданіе греческаго текста апологіи, гдѣ она входитъ въ составъ „житія Варлаама и Иосафа“ сдѣлано въ сборникѣ Boissonade „Anecdota Graeca“ IV, Paris 1832 г. Цирко, снабженное научнымъ аппаратомъ, принадлежитъ Robinson'у „Texts and Studies“ Vol. I, № I, 1891.

Такимъ образомъ, существуютъ двѣ основныя редакціи апологін Аристидѣ: одна подробная, которую мы назовемъ сирско-армянскою (SA), другая краткая, извѣстная подъ именемъ греческой (G); дѣло критики—рѣшить, какая изъ этихъ версій подлинна, т. е. передаетъ оригиналъ апологін Аристидѣ; если же ни одна изъ нихъ не заключаетъ его безусловно, то какая изъ нихъ ближе къ оригиналу, и какъ намъ, если не возстановить подлинный текстъ, то, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нему?

Въ своихъ отвѣтахъ на это, ученые критики запада, специально занимавшіеся сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ текстовъ, образуютъ двѣ главныхъ партій: одни, какъ, напр., Robinson, Harnack и Raabe, стоятъ за первоначальность греческаго текста; другіе, какъ-то Seeberg, Zahn, Egli, Pennseke и др. утверждаютъ сравнительную подлинность сирскаго. Не входя въ изложеніе длинныхъ и утомительныхъ доводовъ, которыми сторонники каждой изъ этихъ партій хотятъ отстоять и защитить свою точку зрѣнія на дѣло, выскажемъ лишь свой взглядъ на этотъ предметъ, къ которому мы пришли какъ путемъ внимательнаго изученія полемики, такъ и непосредственно-личнаго сличенія текстовъ.

Мнѣніе о сравнительной цѣнности дошедшихъ до насъ версій апологін Аристидѣ составляетъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которымъ едва-ли суждено когда либо сдѣлаться безспорно и окончательно рѣшенными. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время мы не можемъ категорически утверждать даже и того, на какомъ языкѣ былъ записанъ подлинникъ апологін. Хотя большинство ученыхъ и думаетъ, что онъ былъ написанъ на греческомъ языкѣ, но нѣкоторые не безъ основанія языкомъ оригинала называютъ сирскій, или сирско-армянскій, ссылаясь въ данномъ случаѣ на восточный характеръ полнаго имени Аристидѣ (Маркіанъ-Аристидъ) и указывая на Сирію, какъ мѣсто первоначальнаго произнесенія Аристидомъ своей апологін императору Адріану (свидѣтельство Евсевія) ¹⁾. Даже соглашаясь признать языкомъ подлинника апологін греческій, мы однако

¹⁾ Egli „Zu Apologie Aristides“ Zeitschr. f. wissensch. Theologie I, 1893 r. A. Harnack—Texte und Unter. I, 1, 101 s.

не рѣшаемся настоящій греческій текстъ ея назвать точной копіей его. Главнымъ препятствіемъ къ этому служить то обстоятельство, что имѣющійся у насъ греческій текстъ представляетъ не самостоятельное и отдѣльное изложеніе апологіи Аристиды, а извлеченіе изъ другаго, совершенно посторонняго, сочиненія, въ составъ котораго оно входитъ въ качествѣ одного изъ вводныхъ разсужденій и посему, какъ составная часть, разумѣется приспособлена къ задачѣ цѣлаго: многое здѣсь опущено, иное измѣнено, другое вставлено для связи разсказа, наконецъ нѣчто перестановлено и отнесено совершенно на иныя мѣста „житія Варлаама“ ¹⁾. Но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ частныхъ разсужденіяхъ и особенно въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, эта версія стоитъ ближе всѣхъ къ древнегреческой.

Что касается сирско-армянской версіи, то она, если не по буквѣ, то по мысли и общему характеру изложенія, производитъ впечатлѣніе большей подлинности и близости къ оригиналу. Такому взгляду благопріятствуютъ два важнѣйшихъ обстоятельства: во первыхъ то, что сирская версія даетъ специальное, законченное изложеніе апологіи безъвсякаго отношенія къ какимъ либо постороннимъ цѣлямъ, какъ напр. очевидно это въ греческой; а во вторыхъ и то, что армянская версія, будучи отдѣльной и независимой отъ сирской, даетъ начало апологіи, почти буквально повторенное и въ послѣдней. Конечно, и сирско-армянская версія не свободна отъ недостатковъ, въ особенности въ отдѣлѣ о классической миологіи; но всѣ они объясняются не столько намѣреннымъ умысломъ, сколько незнаніемъ или ложнымъ истолкованіемъ переводчика и легко могутъ быть исправлены; кромѣ этого, въ двухъ-трехъ мѣстахъ можно указать болѣе существенныя измѣненія, представляющія интерполяціи позднѣйшаго происхожденія, которыя мы и постараемся отмѣтить своевременно, при реконструкціи самаго текста апологіи Аристиды.

Отсюда, такимъ образомъ, дѣло реконструкціи текста должно быть ведено, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Въ основаніе долженъ быть положенъ полный, т. е.

¹⁾ Примеры этого можно видѣть у *Seeberg'a* „Der Apol. Aristides“ 3 s.

сирскій переводъ апологіи ¹⁾; но его необходимо постоянно сличать съ сокращенной редакціей греческаго текста, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе или менѣе очевиденъ произволъ или недомыслие сирскаго переводчика. Въ затруднительныхъ и спорныхъ случаяхъ рѣшающимъ критеріемъ должна служить справка съ греческой исторіей и миѳологіей, а также съ общимъ характеромъ вѣроученія во второмъ вѣкѣ, къ первой половинѣ котораго относится и апологія Аристиды. Свои предварительныя разсужденія о сравнительномъ значеніи версій и возстановленіи подлиннаго текста апологіи Аристиды заключимъ словами одного изъ ученыхъ изслѣдователей этого вопроса: „хотя въ частностяхъ и въ порядкѣ расположенія матеріала различныя редакціи апологіи и расходятся между собою, но въ главномъ и общемъ онѣ согласуются“ ²⁾. Слѣдовательно, не должно особенно страшиться реконструкціи текста, такъ какъ она будетъ касаться не столько основнаго содержанія апологіи, сколько частныхъ ея деталей ³⁾.

А П О Л О Г І Я.

которую аонскій философъ Аристидъ держалъ предъ императоромъ Адріаномъ о почитаніи Бога Всемогущаго ⁴⁾.

I.

1. Я, царь, по соизволенію (Gnade, *προνοία*) Бога явился въ міръ и, созерцавъ здѣсь небо, землю и море, солнце,

¹⁾ Считаемо уместнымъ здѣсь отмѣтить, что сирскимъ и армянскимъ текстомъ мы пользуемся не въ подлинникѣ, но въ лучшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ переводахъ ихъ, какъ-то *Raabe*, *Seeberg's*, *Hennecke* и *Robinson's*.

²⁾ *Seeberg* „Der Apologet Aristides“ 1894, 2 s.

³⁾ Здѣсь мы голословно изложили тѣ выводы, къ которымъ пришли изъ знакомства съ положеніемъ нашего вопроса у нѣмецкихъ ученыхъ и изъ собственнаго критическаго изслѣдованія двухъ основныхъ версій апологіи Аристиды по приблизительному его возстановленію: въ примѣчаніяхъ мы постараемся указывать, на какомъ основаніи въ каждомъ частномъ случаѣ мы предпочли одинъ текстъ другому, или сдѣлали отступленіе отъ обоихъ и допустили правдоподобную догадку и тѣмъ самымъ дадимъ своимъ выводамъ фактическое обоснованіе.

⁴⁾ По другой, распространенной редакціи, заголовокъ апологіи имѣетъ слѣдующую форму: „Императору Титу Адріану Антонину, Августу и Пію. Маркіана Аристиды, философа изъ Аоніи“.

луну и преч., удивился красотѣ міра. 2. Но я понялъ, что этотъ міръ и все, что въ немъ есть, приводится въ движеніе постороннею силою, которая и есть Богъ; а извѣстно, что все движущее — сильнѣе движимаго и содержащее — крѣпче содержимаго. Допытываться же о Промыслителѣ и Руководителѣ всего, каковъ Онъ есть, какъ кажется мнѣ, безцѣльно и выше мѣры трудно, а потому и разсуждать объ этомъ бесполезно; ибо Сущность Его безконечна и непостижима для всѣхъ тварей. 3. О двигателѣ же міра я говорю, что Онъ есть Богъ всего, сотворившій все ради людей; и, какъ кажется мнѣ, полезно почитать и бояться Бога, но не стѣснять (*λυπεῖν*, не огорчать) и человѣка. 4. Далѣе, въ предѣлахъ дозволительнаго, надлежитъ знать о Богѣ, что Онъ нерожденъ, несотворенъ, безначаленъ и безконеченъ, безсмертенъ, совершенъ и непостижимъ.

Поскольку Онъ совершенъ, Онъ не имѣетъ никакого недостатка и не терпитъ нужды ни въ чемъ; наоборотъ, все имѣетъ нужду въ Немъ. Онъ безначаленъ, ибо все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ, а имѣющее конецъ разрушается. 5. Онъ не имѣетъ имени, ибо наименованіе есть общее свойство тварныхъ существъ. Онъ не имѣетъ ни окраски, ни внѣшняго вида, такъ какъ владѣющій ими тѣмъ самымъ приобщается къ разряду сотворенныхъ предметовъ. Въ Немъ нѣтъ различія мужскаго и женскаго начала, такъ какъ тотъ, въ комъ это есть, бываетъ подверженъ страстямъ. Небо Его не обнимаетъ, но Онъ небо и все видимое и невидимое содержитъ Собою. 6. У Него нѣтъ противника, такъ какъ не существуетъ никого, кто-бы былъ сильнѣе Его. Имъ не владѣютъ зависть и гнѣвъ, такъ какъ нѣтъ ничего такого, что-бы могло оказать Ему сопротивленіе. Ошибки и невѣдѣніе чужды Его натурѣ, которая вся есть совершенная мудрость и знаніе. Имъ все содержится. И Онъ не нуждается въ жертвѣ или возліаніи и ни въ чемъ видимомъ, но въ Немъ все имѣетъ нужду ¹⁾).

¹⁾ Весь отдѣлъ этой главы, заключающій въ себѣ перечисленіе основныхъ свойствъ абсолютной личности Бога, переложъ въ греческой версіи лишь въ нѣсколькихъ словахъ, въ которыхъ и заключается суть дѣла: болѣе-же подробное развитіе этихъ понятій авторъ „Варлаама“ очевидно выпустилъ, какъ вещь, по его мнѣнію, излишнюю. Сирско-Армянская-же версія сохранила полный ходъ мыслей апологета.

II.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго о Богѣ, насколько удѣлено мнѣ объ этомъ говорить (*καθὼς ἐμὲ ἐχόρησε*), перейдемъ къ человѣческому роду, чтобы увидеть, кто изъ людей участвуетъ въ истинѣ (вышеуказаннаго богопознанія) и кто раздѣляетъ заблужденіе. 2. Намъ извѣстно, царь, что въ этомъ мірѣ существуютъ четыре рода людей: варвары и Эллины, Іудеи и Христіане ¹⁾.

¹⁾ Такое раздѣленіе человѣчества согласно устанавливаютъ какъ Сирская, такъ и Армянская версіи. Но Греческая версія четверичную классификацію народовъ со стороны ихъ религій, замѣняетъ тройной, раздѣляя человѣчество на 1) варваровъ, 2) іудеевъ и 3) христіанъ. Такое серьезное разногласіе превращаетъ этотъ отдѣлъ въ наиболѣе спорное мѣсто не сей апологіи. Такъ какъ отъ такого или иного взгляда на него стоитъ нѣбольшой зависимости и рѣшеніе самаго вопроса о сравнительной подлинности имѣющихся у насъ версій апологіи Аристиды, то и мы позволяемъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Защитники сравнительной подлинности греческой версіи находятъ наиболѣе правильнымъ и сообразнымъ съ общимъ ходомъ мыслей апологета, тройное дѣленіе народовъ. Четверичная классификація, т. е. съ выдѣленіемъ эллиновъ въ особый классъ отъ варваровъ, говорятъ они, была-бы дѣйствительно вполне умѣстна, если-бы рѣчь шла о племенномъ, а не религіозномъ различіи. Если Греки, имѣя возвышенное представленіе о своемъ призваніи, не желали по чувству національной гордости сближаться съ другими народами въ отношеніи къ племенному происхожденію, то это, конечно, понятно. Но нѣтъ никакого основанія допускать, чтобы христіанскій апологетъ, хотя-бы онъ и происходилъ изъ Грековъ, слѣдуя предосудительному чувству національнаго самолюбія, сталъ-бы выдѣлять своихъ соплеменниковъ и при религіозной классификаціи; ибо въ христіанствѣ „нѣтъ Іудей, ни Эллиновъ“... (Гал. III, 28), т. е. принципъ національнаго различія въ немъ окончательно утратилъ свое прежнее значеніе. Четверичная классификація, указываютъ далѣе, не согласна будто-бы и съ послѣдующимъ содержаніемъ апологіи: съ III—VIII гл. апологетъ говоритъ о варварахъ, затѣмъ съ VIII—XII переходитъ къ Эллинамъ, послѣ чего въ XII гл. снова возвращается къ варварамъ, говори объ Египтянахъ; отсюда будто-бы очевидно, что Греки не составляютъ самостоятельнаго класса, а образуютъ лишь отдѣльный видъ политеизма, на подобіе Халдеевъ и Египтянъ. При принятіи-же греческой трехчастной классификаціи планъ автора апологіи является строго выдержаннымъ: трехродовому дѣленію людей по религіи, соответствуютъ и три вида перваго рода—Халдеи, Греки и Египтяне.

Всѣ эти разсужденія, конечно, основательны и справедливы логически, но страдаютъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что они отринуто отъ современной апологету исторической дѣйствительности. Въ нихъ совершенно

3. Варвары ведутъ свое происхожденіе по религіи отъ Бала, Хроноса, и Реи и прочихъ боговъ. 4. Греки—отъ Эллена, о которомъ говорятъ, что онъ произошелъ отъ Зевса. Отъ Эллена рождены Эолъ и Ксуфъ; остальная Эллада ведетъ происхожденіе религіи отъ Инаха и Фероней, наконецъ—отъ Даная Египетскаго, Кадма Сидонскаго и Діониса Оивскаго. 5. Иудеи ведутъ свое происхожденіе отъ Авраама и Псаака и Іакова и его 12-ти сыновей, которые переселились изъ Сиріи въ Египетъ и тамъ отъ своего закоподателя были названы Евреями: позднѣе-же стали называться Іудеями ¹⁾. 6. Христіане-же ведутъ начало своей религіи отъ Господа Іисуса Христа (G—γενεαλογεῖται). Онъ исповѣдуется (ὁμολογεῖται) Сыномъ Бога Вышняго; снизшедши въ Духъ Святѣмъ съ неба и рожденный отъ

правильно указывается, какъ долженъ былъ-бы апологетъ раздѣлить религіи, но игнорируется то, какъ онъ въ дѣйствительности раздѣлитъ ихъ. Становясь же на историческую точку зрѣнія, мы должны признать изначальность именно этой, сравнительно слабѣйшей, т. е. четверичной классификаціи, какъ болѣе сообразной съ духомъ того времени. Слѣды послѣдней классификаціи можно находить и въ вышеуказанныхъ словахъ ап. Павла, гдѣ онъ, слѣдуя обычаю того времени, выдѣляетъ Эллиновъ, въ качествѣ особаго класса; еще яснѣе такое дѣленіе выражено въ другихъ мѣстахъ изъ посланій того-же апостола, напр. Рим. 1, 14 ст. Колос. III, 11 ст., гдѣ отчетливо выдержано противоположеніе „Іудеевъ и Христіанъ“ „наварамъ и Эллинамъ“. Вообще, выдѣленіе „Эллиновъ“ въ особый самостоятельный классъ въ религіозномъ отношеніи было въ широкомъ употребленіи въ первые вѣка христіанской эры, какъ можно судить объ этомъ по сохранившимся указаніямъ древне-христіанской литературы, напр. Pseudo-epistolae ap. Петра, апологіи Іустина, Мелитона, діалога Іуст. и т. п. См. у Sezberg 4—5 s. Самое существованіе его въ это время легко объясняется тѣмъ, что первоначально и въ религіозномъ отношеніи было удержано то же дѣленіе, которое издавна господствовало въ политическомъ.

Что-же касается разсужденій о непоследовательности и невыдержанности плана апологіи при принятіи четверичной классификаціи, то все эти строія методическія требованія едва-ли умѣстны по отношенію къ произведенію первенствующей церкви; да нельзя сказать, чтобы имъ удовлетворяла и греческая версія съ ея тройнымъ дѣленіемъ, такъ какъ въ послѣдней отрывочности и непонятныхъ скачковъ замѣчается еще больше, см. напр. переходъ во II гл. отъ религіозной классификаціи къ самому обзорѣ религій.

¹⁾ Смѣшеніе религіозной классификаціи съ племенной, которое постоянно замѣчается здѣсь, черта характеристичная для нашего апологета и совершенно въ духѣ древнихъ евгемеристическихъ предстаненій.

Еврейской дѣвы ¹⁾, Онъ припалъ плоть и Сынь Божій сталъ человѣкомъ. О пребываніи Его ты, царь, если угодно, можешь узнать изъ называемаго нами, „Евангельскаго Писанія“ (*εὐαγγελικῆς γραφῆς*). 8. Итакъ, Иисусъ рожденъ изъ народа Еврейскаго. Онъ имѣлъ двѣнадцать учениковъ и завершивъ свое удивительное домостроительство, былъ распятъ Иудеями. Послѣ трехъ дней Онъ воскресъ и вознесся на небо. Двѣнадцать-же учениковъ вышли въ предѣлы вселенной и учили о Его величій съ большимъ успѣхомъ и достоинствомъ, откуда внимающіе ихъ проповѣди и называются христіанами, которые хорошо извѣстны. 9. Итакъ, какъ я сказалъ прежде, суть четыре рода людей: Варвары и Греки, Иудеи и Христіане. 10. Богу служить вѣтеръ, ангеламъ—огонь, демонамъ—вода, людямъ—земля ²⁾).

III.

Итакъ, посмотримъ, кто изъ нихъ (четырехъ вышеуказанныхъ религіозныхъ группъ) участвуетъ въ истинѣ и кто въ заблужденіи. 2. Варвары, не познавъ Бога, уклонились къ стихіямъ и начали почитать тварь вмѣсто Творца; и изображеніямъ тварныхъ предметовъ, ими же сдѣланнымъ (какъ-то: изображеніямъ неба, земли и моря, солнца, луны и прочихъ стихій, или свѣтилъ), заключивши ихъ въ храмы, они поклоняются, тщательно однако охраняя, чтобы не

¹⁾ Греческій текстъ въ данномъ отдѣлѣ имѣетъ довольно ясныя слѣды позднѣйшей обработки въ своей болѣе строгой и точной формулировкѣ догматическихъ терминовъ, напр. вмѣсто словъ — „Еврейской дѣвы“, стоитъ *παρθένου ἑβραίας*, затѣмъ употребл. такія опредѣленія вѣтлѣннаго рожденія Христа, какъ *απὸ ὕδατος καὶ ἀφ' ὁρόου*, которыя еще не были извѣстны тому вѣку.

²⁾ Насколько ясенъ и умѣстенъ здѣсь 9 с. II гл., представляющій ся заключеніе и образующій переходъ къ дальнѣйшему повѣствованію, настолько темень смыслъ послѣдняго 10-го стиха. Повидимому, въ немъ дана параллель предшествующему стиху: четыремъ основнымъ религіознымъ группамъ соотвѣтствуютъ четыре сферы духовнаго бытія съ четырьмя, символизирующими ихъ, стихійными элементами; но что за смыслъ подобной параллели, остается загадкой. Можно-бы, конечно, считать это мѣсто позднѣйшей вставкой, но сдѣлать этого не позволяетъ существованіе его въ двухъ версіяхъ S и A; остается предположить, что здѣсь опущены какія-либо посредствующія мысли апологета.

выкрали ихъ воровъ. И не поняли они, что все охраняющее—болѣе охраняемаго и дѣлающій выше того, что имъ сдѣлано; и если боги ихъ безсильны относительно собственнаго спасенія (т. к. приходится сторожить ихъ отъ воровъ), то какъ-же они доставятъ спасеніе другимъ? Посему въ великое заблужденіе впали варвары, почитая бездушныя и бесполезныя статуи. 3. И для меня, царь, является удивительнымъ, какъ эти, такъ называемые ихъ философы, совершенно не поняли, что все это суть тлѣнныя стихіи (*τὰ στοιχεῖα φθαρτά*)? Если-же они тлѣнны и подчинены необходимости, то какія-же онѣ боги? Если-же стихіи не боги, то зачѣмъ-же изображенія, сдѣланныя въ честь ихъ, считаютъ за боговъ? 4. Итакъ, велико то заблужденіе, въ которое философы вводятъ своихъ послѣдователей ¹⁾).

IV.

Поэтому приступимъ, царь, къ разсмотрѣнію этихъ стихій, чтобы показать, что онѣ не боги, но тлѣнны и подвержены ухудшенію (*φθαρτὰ καὶ ἀλλοιοῦμενα*); онѣ вызваны изъ небытія (*ἐκ τοῦ μὴ ὄντος*) повелѣніемъ истинно Сущаго Бога, Который единъ нетлѣненъ, неизмѣняемъ и невидимъ; Самъ же все видитъ и сообразно съ тѣмъ, какъ желаетъ, измѣняетъ и превращаетъ. Итакъ, что же я скажу о стихіяхъ? 2. Заблуждаются считающіе богомъ небо. Ибо мы видимъ, что оно обращается, движимое по принужденію и

¹⁾ Эта единственная во всей апології Аристиды глава, гдѣ согласіе Сирской и греческой редакціи текста доходитъ почти до тождества, не только въ мысляхъ и ихъ расположеніи, но и въ самомъ внѣшнемъ выраженіи ихъ; такъ что, по справедливому замѣчанію Raabe, можно подумать, что Сиріецъ имѣлъ подъ руками не какой-либо другой, а именно современный намъ греческій текстъ—*Beiträge zur Textvergleichung*—34 s. Texte und. Unt. IX, 1. Отсюда, т. о., третья глава служить лучшимъ критеріемъ для опредѣленія подлинныхъ мыслей апологета.

²⁾ Названіе „стихіи“ авторъ апології употребляетъ не въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ онѣ прилагаетъ его не къ одиному стихіямъ въ собственномъ смыслѣ, но также къ небу землѣ, луи и даже человѣку, примѣръ подобнаго же употребленія этого слова мы находимъ у Филона, который говоритъ: „обоготворяли различныя *στοιχεῖα*: землю и воду, воздухъ и огонь; другіе—солнце и луну и прочія планеты и неподвижныя звѣзды: иные—одно небо, прочіе же—весь міръ“—Raabe. T. и Unt. IX, 1 92 r. 35 s.

составлено изъ многихъ частей, почему и называется *κόσμος* (убранство, украшеніе). Всякое же устройство имѣть устроителя, а все устроенное — начало и конецъ. Небо же со всѣми своими свѣтилами движется по необходимости; и звѣзды въ строгомъ порядкѣ движутся отъ одного края къ другому: однѣ изъ нихъ исчезаютъ, другія восходятъ и въ положенное время проходятъ свой путь и опредѣляютъ лѣто и зиму, сообразно съ тѣмъ, какъ завѣщено имъ Богомъ и онѣ не нарушаютъ опредѣленныхъ имъ направленій по неотвратимой необходимости природы, вмѣстѣ со всѣмъ небеснымъ міромъ, откуда ясно, что небо не богъ, а дѣло Бога ¹⁾.

3. И считающіе землю богиней, впали въ заблужденіе; ибо мы видимъ, что она подчинена господству людей, бываетъ вскапываема и загрязняема и дѣлается негодной; будучи же пережженой, становится какъ бы мертвой, ибо изъ черепка ничего не произрастетъ. Когда же еще болѣе вывѣтрена, то портится сама и плоды ея. Она попирается людьми и прочими живыми существами, оскверняется кровью убиваемыхъ, перекапывается, наполняется трупами, превращается въ кладбище мертвыхъ. 4. Невозможно, чтобы святая, блаженная и нетлѣнная природа Бога приняла все это ²⁾. Итакъ, изъ всего этого слѣдуетъ, что земля не богиня, но произведеніе Бога, сотворенное Имъ для употребленія людей.

V.

И считающіе божествомъ воду, ошиблись, ибо и она существуетъ для употребленія людей и находится у нихъ въ подчиненіи и грязнится и портится и измѣняется подъ вліяніемъ тепла, холода или окраски, и служитъ для мытья

¹⁾ Весь отдѣлъ о „небѣ“ онущенъ въ сирской версіи и находится лишь въ греческой. Но неупоминаніе неба страннѣе, чѣмъ упоминаніе о немъ, какъ очевидно изъ контекста рѣчи; по всей вѣроятности здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ, объясняемымъ недосмотромъ сирскаго переводчика.

²⁾ Хотя послѣдняго предложенія, представляющаго переходъ къ заключительному выводу главы, и нѣтъ въ имѣющемся у насъ греческомъ текстѣ, по оно вполне умѣстно по связи рѣчи; равно какъ и самые предикаты божественной природы, составляющіе переводъ греческаго выраженія—*καὶ ὁ θεὸς ἁγίος* — были въ большомъ употребленіи въ современной намъ апологету богословской литературѣ—*Raabe*—36 s.

всякихъ нечистотъ. 2. Посему невозможно, чтобы вода — дѣло Бога—была самымъ Богомъ ¹⁾.

3. И считающіе огонь за Бога точно также заблуждаются, ибо огонь явился тоже для употребленія людей и находится въ полномъ ихъ распоряженіи, будучи переносимъ съ одного мѣста на другое и употребляемъ для варки и жаренья различныхъ мясъ, а также и для сожженія труповъ. Онъ даже и вовсе уничтожается, будучи различными способами гасимъ людьми; откуда слѣдуетъ, что огонь не Богъ, но дѣло рукъ Его ²⁾.

4. Не менѣе ошибаются также и тѣ, которые за божество принимаютъ вѣянія вѣтровъ (*τῆν τῶν ἀνέμων πνοήν*); ибо очевидно, что оно служитъ другому и даровано Богомъ на употребленіе людей, служа для плаванія кораблей, произрастанія хлѣбныхъ злаковъ и удовольствованія прочихъ людскихъ нуждъ. Оно (это вѣяніе вѣтровъ) усиливается и ослабѣваетъ по повелѣнію Бога; посему пусть не думаютъ, что дуновеніе вѣтровъ есть Богъ, но считаютъ это дѣломъ рукъ Его ³⁾.

VI.

И считающіе божествомъ солнце, жестоко ошибаются. Ибо мы видимъ, что оно движется по необходимости и

¹⁾ Основная мысль этого отдѣла—что вода находится въ полномъ обладаніи человѣка—имѣетъ у сирійца нѣсколько болѣе подробное развитіе, именно у него указывается еще также и то, что вода служитъ человѣку для цѣлей орошенія земли чрезъ прорытіе каналовъ и простую поливку огородовъ и садовъ.

²⁾ Подобно предыдущему, и въ этомъ отдѣлѣ сиріецъ даетъ болѣе полное раскрытіе главной мысли: такъ онъ говоритъ объ употребленіи огня въ искусствѣ ковки, причемъ здѣсь же добавляетъ не совсемъ умѣстное обращеніе къ императору, сдѣланное притомъ въ такой формѣ (Ваше Величество), которая не свойственна греку, что и выдаетъ ея позднѣйшее, сирійское происхожденіе.

³⁾ Въмѣсто того, чтобы говорить о воздухѣ, одной изъ основныхъ стихій природы, философъ намъ говоритъ о вѣтрѣ, его теченіи и подвижномъ состояніи. Вѣроятно, впрочемъ, онъ имѣетъ здѣсь въ виду тѣхъ варваровъ, которые, непосредственно испытывая гибельное или благотворное вліяніе вѣтровъ, обоготворяли именно ихъ, какъ дѣлали это, напримѣръ, египтяне, обоготворявшіе въ лицѣ злаго бога Тифона губительный вѣтеръ знойный Сахары.

вращается, переходя отъ одного конца къ другому, заходить и слова восходить, чтобы оживлять деревья и растенія, служація для употребленія людей, и имѣть также вмѣстѣ съ остальными звѣздами дѣленія на части (*μερισμοὺς ἔχοντα*) ¹⁾, и будучи меньшимъ неба, оно постепенно убываетъ въ силѣ свѣта и не имѣетъ никакой самодержавной власти; вслѣдствіе сего, пусть считаютъ солнце не Богомъ, но дѣломъ Его. Тоже съ еще большимъ правомъ должно сказать о лунѣ и звѣздахъ ²⁾.

VII.

Сильно заблуждаются также и тѣ, кто за боговъ считаютъ первобытныхъ людей (*Menschen der Vorzeit*) ³⁾. Ибо, какъ извѣстно тебѣ, царь, (всякій) человѣкъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ и изъ души и духа (*Seele und Geist*), ради чего и (малымъ) міромъ (*κόσμος*, точнѣе бы *μικροκόσμος*) называется. Онъ имѣетъ начало и конецъ—родится и умираетъ. 2. II мы видимъ, что человѣкъ подверженъ той же необходимости—онъ нуждается въ питаніи и старѣетъ, хотя бы и не хотѣлъ этого. И онъ то радуется, то печалится, становится то завистливъ и раздражителенъ, то жаденъ и перемѣнчивъ—словомъ, имѣетъ многіе недостатки.

3. Уничтожается же онъ различными способами и отъ

¹⁾ Смыслъ этой фразы, взятый по греческому тексту, не достаточно ясенъ и опредѣленъ „*ἐτι δὲ καὶ μερισμὸν ἔχοντα μετὰ τῶν λοιπῶν ἀστέρων*“; обычное значеніе *μερισμός* не даетъ удовлетворительнаго разрѣшенія дѣла, такъ какъ солнце не принадлежитъ къ дѣлимымъ предметамъ. Довольно правдоподобное освѣщеніе заключающейся здѣсь мысли даетъ сирскій переводъ, въ которомъ читаемъ: „и солнце въ своемъ теченіи вмѣстѣ съ прочими звѣздами принимаетъ участіе въ дѣленіи времени и его счисленіи“.

²⁾ Краткая замѣтка о лунѣ и звѣздахъ взята нами изъ сирскаго перевода; на мѣстѣ ея въ греческомъ текстѣ ваходится почти дословное повтореніе всего того, что только-что передъ этимъ было сказано о солнцѣ. Насколько уместно здѣсь краткое упоминаніе о лунѣ и звѣздахъ, настолько излишне подробное повтореніе уже сказаннаго; поему сирскій текстъ, вообще отнюдь несклонный къ какимъ либо урѣзкамъ и сокращеніямъ, и въ данномъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія передъ греческимъ.

³⁾ Въ греческомъ текстѣ стоитъ просто *ἀνθρώπος*, т. е. идетъ рѣчь о человѣкѣ вообще; въ сирскомъ текстѣ дается болѣе конкретное указаніе на энгемеристическія вѣрованія; впрочемъ, это чисто внѣшнее различіе нисколько не отражается на ходѣ дальнѣйшихъ разсужденій.

стихій, и отъ животныхъ, и отъ подлежащей ему смерти; посему человѣкъ пусть не принимается за Бога, но за дѣло Его.

4. Итакъ, царь, въ большее заблужденіе впади варвары, ходя въ слѣдъ похотей своихъ; ибо почитаютъ они тлѣнныя стихіи и мертвые образы и не замѣчаютъ, что все это Богомъ сотворенные предметы (*θεοποιοῦμενοι*).

VIII.

Перейдемъ же теперь къ Эллинамъ, что бы посмотрѣть, что они думаютъ о Богѣ? 2. По Эллина, называющіеся мудрыми, обьюродѣли (*ἐμωρόατησαν*) хуже варваровъ ¹⁾, вводя множество рожденных боговъ мужскаго и женскаго пола (*τοὺς μὲν ἄρρετας, τὰς δὲ θηλείας*); ихъ они сами выставляютъ исполненными всевозможныхъ страстей и творцами всяческихъ безобразій; такъ что одни изъ этихъ боговъ — прелюбодѣи, убійцы, гнѣвливы, ревнивы, отцеубійцы и братоубійцы, воры и грабители; другіе — хромые и увѣчные, чародѣи и гадатели. 3. Про однихъ изъ своихъ боговъ греки рассказываютъ, что они убиты молніей, про другихъ, — что они сами померли; иные изъ боговъ находились въ услуженіи у людей, или обращались отъ нихъ въ бѣгство; нѣкоторые были ранены людьми, и многіе превращались въ живыя существа, чтобы соблазнять къ паденію смертныхъ женщинъ или даже вступать въ мужеложство. 4. Про нѣкоторыхъ изъ боговъ рассказываютъ, что они входили въ преступныя связи съ матерями, дочерьми и сестрами; и говорятъ, что боги пали съ дочерьми человѣческими, слѣдствіемъ чего было грѣховное, смертное потомство. 5. И про богинь говорятъ, что онѣ въ спорахъ о своей красотѣ представляли на судъ людей. 6. Откуда слѣдуетъ, царь, что Эллина сочиняютъ смѣшныя, глупыя и нечестивыя сказки, вывода несуществующихъ боговъ, слѣдуя дурнымъ своимъ влеченіямъ, чтобы имѣть ихъ своими сообщниками въ дурномъ, и безнаказанно прелюбодѣйствовать, убивать и все ужасное

¹⁾ Это выраженіе сильно напоминаетъ извѣстные слова ап. Павла "Римл. I, 24

дѣлать; ибо, если боги ихъ все это совершаютъ ¹⁾, то какъ же и они того же самаго не сдѣлаютъ? 7. II вслѣдствіе этого заблужденія въ образѣ жизни и поведенія (*ἐκ τούτων οὖν τῶν ἐπιτηδευσμάτων τῆς πλῆρης*) произошло, что существуютъ у людей междоусобія, убійственныя войны и тягостныя (*πικρὰς*—горькіе) плѣны.

IX.

Но и о каждомъ изъ этихъ боговъ, если пожелаемъ рассказать (*ἐλθεῖν τοῦ λόγου*), ты увидишь (*ὄψει*) большую нелѣпость. 2. Такъ, прежде всего, выводится ими богъ Хроносъ, въ жертву которому они приносятъ собственныхъ дѣтей ²⁾. И говорятъ, что онъ имѣлъ жену Рею и многихъ дѣтей отъ нея (и въ томъ числѣ) Зевса (*Δία*) и, будучи одержимъ маніей, съѣлъ своихъ дѣтей. 4. Зевсъ спасся отъ него бѣгствомъ, позднѣе же, связавши своего отца, онъ (Зевсъ) оскотилъ его (*ἐκοψεν τὰ ἀγκυλά*) и бросилъ дѣтородные члены въ море, откуда, какъ рассказывается въ мифахъ, и родилась Афродита; Хроноса-же, связаннаго, бросилъ въ тартаръ. 5. Ты видишь заблужденіе и нечестіе, которое они выставляютъ относительно главы своихъ

1) Большая часть этой главы, а именно со словъ: „одни изъ этихъ боговъ прелюбодѣи, убійцы и т. д., до заключительнаго вывода всей главы, отсутствуетъ въ современномъ греческомъ текстѣ апологіи; по англійскій ученый Robinson отыскалъ это мѣсто у автора житія „Варлаама и Иосафа“, хотя въ совершенно иной связи, куда оно, очевидно, перенесено авторомъ житія, довольно свободно распоряжавшимся имѣвшимъ у него матеріаломъ изъ апологіи Аристиды. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ очевидный примѣръ того, что редакторъ дошедшей до насъ греческой версіи апологіи Аристиды не былъ заинтересованъ въ полномъ сохраненіи и точномъ воспроизведеніи подлиннаго текста апологіи, а наоборотъ, довольно свободно утилизировалъ ся, сообразуясь съ своими собственными цѣлями.

2) Хотя мысль о кровавыхъ жертвахъ младенцами въ честь бога Хроноса и находится въ обихъ редакціяхъ апологіи, однако она съ правомъ возбуждаетъ основательныя подозрѣнія относительно ея подлинности; такъ какъ ни откуда не видно, чтобы у Грековъ были распространены подобныя „младенческія жертвы“. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить только то предположеніе, что апологетъ, для успоенія своей мысли, сдѣлалъ широкое обобщеніе тѣхъ частныхъ и единичныхъ явленій этого рода, которыя имѣли мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи, напр. на островахъ Критѣ и Родосѣ. - см. *Ποσειδ. Kreta* I, 165 s.

боговъ? Очевидно, что богъ ихъ связуемъ и усѣкаемъ; о, неразуміе! кто изъ имѣющихъ умъ скажетъ что-либо такое?!

6. Вторымъ выводится Зевсъ, о которомъ они говорятъ, что онъ царствуетъ надъ всѣми богами и превращается въ животныхъ и другіе предметы, чтобы прелюбодѣйствовать со смертными женщинами; такъ, говорятъ, что, превратившись въ быка, онъ имѣлъ связь съ Европой, (и Пасифеей), въ золото—съ Данасей, въ лебедя—съ Лидой, въ сатира—съ Антіоной и въ молнію—съ Селеной (луной). Отъ нихъ родилось у него много дѣтей: отъ Антіоны—Зеть и Амфіонъ, отъ Селены—Діонисъ, отъ Алкмены—Геракль, отъ Леты—Аполлонъ и Артемида, отъ Данаи—Персей, отъ Лиды—Касторъ, Элленъ и Полидевкъ, отъ Мнемосины—девять дочерей, названныхъ музами, отъ Европы—Миной, Радамантъ и Сарпидонъ; наконецъ, онъ превратился въ орла изъ любви къ пастуху Ганимеду ¹⁾.

8. Поэтому случилось, царь, что люди ²⁾ стали подражать всему этому и сдѣлались прелюбодѣями, осквернявшимися съ матерями и сестрами, мужеложцами и отцеубійцами; ибо если царь ихъ боговъ дѣлаетъ это, то какъ-же почитающіе его не станутъ подражать ему? 9. Посему, велико безуміе, которое создаютъ Греки въ своихъ разсказахъ о немъ (Зевсѣ); ибо немисливо, чтобы богъ былъ

¹⁾ Весь этотъ отдѣлъ о греческой мифологіи изложенъ въ сирскомъ текстѣ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ греческомъ; въ послѣднемъ, именно дано лишь простое перечисленіе сыновей Зевса, тогда какъ въ первомъ оно соединено съ указаніемъ и ихъ матерей. Такъ какъ Сиріецъ даетъ совершенно вѣрные свѣдѣнія, то нѣтъ основанія не довѣрять ему; молчаніе же греческаго редактора легко объясняется тѣмъ соображеніемъ, что для него и его читателей все это было такъ хорошо знакомо, что онъ, сохраняя главное, опускалъ подробности.

²⁾ Переходя отъ разсужденій о Зевсѣ къ указанію на нравственную распущенность людей, сирскій переводчикъ говоритъ: „большое зло случилось съ людьми, которые жили въ то время, отъ того, что они начали подражать ихъ богамъ“. Это указаніе выставляетъ на видъ, что когда оно было сдѣлано, греческое идолослуженіе сошло уже со сцены и стало достояніемъ прошлой исторіи: очевидно, оно не можетъ происходить отъ Аристиды, жившаго во второмъ вѣкѣ, когда еще сильно было язычество и греческіе боги имѣли многихъ почитателей, а сдѣлано. вѣроятно, самимъ переводчикомъ, для котораго язычество было, дѣйствительно, уже отжившимъ явленіемъ.

прелюбодѣемъ, мужеложцемъ, или отцеубійцей; иначе онъ былъ-бы гораздо хуже гнуснаго демона ¹⁾).

X.

Вотъ выводятъ они (Греки) другаго бога, нѣкоего Гефеста и говорятъ о немъ, что онъ хромъ, носить шлемъ на своей главѣ и держитъ въ рукахъ своихъ раскаленные щипцы и молотъ, такъ какъ онъ занимается искусствомъковки, съ цѣлью добыть себѣ пропитаніе. 2. Но что же это за богъ, такой жалкій? Ибо немыслимо, чтобы Богъ былъ хромымъ или нуждающимся.

3. И снова выводятъ они другаго бога, по имени Гермеса, о которомъ говорятъ, что онъ жаденъ, корыстолюбивъ, чародѣй, разслабленный (*Gelähmter*) и атлетъ, и прорицатель. 4. Но невозможно, чтобы богъ одновременно былъ чародѣемъ и прорицателемъ, и жаднымъ грабителемъ, атлетомъ и разслабленнымъ (увѣчнымъ); иначе было-бы безъ смысла (*ohne Nutzen*).

5. Послѣ этого выводятъ они еще бога—Асклепіада, о которомъ говорятъ, что онъ врачъ и приготовляетъ лекарства и составъ мазей, ради собственнаго пропитанія; впоследствии-же онъ былъ раненъ Зевсомъ черезъ Тиндарея, сына Лакедемона, и умеръ. 6. Если-же богъ Асклепіадъ, будучи раненъ, не могъ помочь самому себѣ, то какъ-же онъ помогъ-бы другимъ? И совершенно невозможно, чтобы божественная природа нуждалась, или могла-бы быть убита молніей.

7. И еще выводятъ они бога—Арея, о которомъ говорятъ, что онъ воинствененъ, и задоренъ, и охотникъ до чужихъ стадъ и вещей, которыя онъ приобретаетъ чрезъ свое оружіе. Впоследствии-же, впадши въ любодѣяніе съ Афродитой, онъ былъ связанъ отрокомъ Эросомъ и Гефестомъ. Какимъ-же богомъ былъ этотъ—искатель чужаго, браннолюбецъ, связанный и любодѣй?!

8. Называютъ богомъ также и Діониса, того, который

¹⁾ Последней мысли нѣтъ въ настоящемъ греческомъ текстѣ; но она существуетъ въ древне-греческой литературѣ, какъ объ этомъ можно судить по сочиненіямъ Ксенократа и Плутарха—см. *Raabe* 45 s. Поэтому весьма вѣроятно, что она была высказана и Аристидомъ.

устраивалъ ночныя оргіи, былъ учителемъ пьянства, соблазнялъ окружающихъ его женщинъ, бѣсновался и убѣгъ. Позднѣе онъ былъ съѣденъ Титанами. Итакъ, если Діонисъ, снѣдаемый Титанами, не былъ въ состояніи помочь самому себѣ, но былъ бѣспующимся, пьяницей и бѣглецомъ, то какой-же онъ былъ богъ? ¹⁾).

9. II выводятъ также Геркулеса за бога, о которомъ говорятъ, что онъ пьянствовалъ, бѣсновался, пожиралъ собственныхъ своихъ дѣтей; потомъ былъ истребленъ огнемъ и такимъ образомъ умеръ. Какъ-же могъ быть богомъ пьяница, дѣтоубійца и подверженный вліянію огня, и какимъ образомъ могъ помочь другимъ тотъ, кто не могъ спасти самого себя? ²⁾).

XI.

Послѣ этого выводятъ еще бога и называютъ его Аполлономъ; о немъ говорятъ, что онъ завистливъ и перемѣн-

¹⁾ Въ отдѣлѣ о Діонисѣ замѣчается нѣкоторое различіе между сирскимъ и греческимъ текстомъ и, должно сознаться,—не въ пользу перваго. Такъ, вопреки свидѣтельству классической міеологіи, Сиріецъ говоритъ о Діонисѣ, что онъ „похишалъ женщинъ“ (*raubt Weiber*); тогда какъ изъ міеологіи извѣстно только, что онъ соблазнялъ ихъ, каковая мысль и выражена въ греческомъ текстѣ глаголомъ *ἀποσπᾶν*, очевидно, неправильно переведенномъ со стороны Сирійца. Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого отдѣла Сиріецъ сообщаетъ новыя, не совсѣмъ точныя свѣдѣнія; такъ онъ говоритъ, что „Діонисъ, обезумѣвъ, покинулъ свою служанку и убѣгъ въ пустыню. Тамъ въ своемъ сумашествіи онъ съѣлъ змѣю и, наконецъ, былъ умерщвленъ Титанами“. Такія подробности, что Діонисъ оставилъ свою служанку передъ бѣгствомъ въ пустыню, неизвѣстны изъ міеологіи. Еще соблазнительнѣе является та мысль, что Діонисъ съѣлъ змѣю въ пустынѣ. Для подтвержденія ея нельзя привести никакой ссылки изъ временъ древности; даже самая змѣя, если и фигурируетъ въ культѣ Діониса, то тамъ говорится лишь объ умерщвленіи ея Діонисомъ, а не о съѣденіи имъ. Очевидно, тутъ оказался произволъ переводчика, допущенный имъ вслѣдствіе плохаго знакомства съ греческой міеологіей.

²⁾ Въ характеристикѣ Геркулеса сирскій текстъ, сравнительно съ греческимъ, содержитъ три лишнія черты, а именно, говоритъ: 1) что Геркулесъ ненавидитъ достойныхъ ненависти, 2) онъ тиранъ и грабитель, 3) и убиваетъ злодѣевъ. Но первая и третья черта стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ основной тенденціей апологета, который взялся выставить лишь недостатки боговъ и, въ ущербъ себѣ, не могъ говорить объ ихъ достоинствахъ; вторая-же совершенно идетъ въ разрѣзъ съ міеологіей и двумя

чивъ: держать то лукъ и колчанъ, то цитру и бубень (*πλήκτρον*), и онъ предсказываетъ людямъ, ради заработка. Слѣдовательно, и онъ нуждается? Совершенно не мыслимо, чтобы Богъ нуждался, или искалъ чего-либо, или игралъ на цитрѣ! 2. И рассказываютъ, далѣе, что сестра его—Артемида, будучи охотницей, имѣетъ спереди лукъ, а сзади колчанъ и одна съ собаками блуждаетъ по горамъ, чтобы охотиться на оленя, или кабана. Какъ-же можетъ быть богомъ эта женщина и охотница, и окруженная собаками? 3. И объ Афродитѣ говорятъ, что она богиня распутная: ибо она имѣла связь съ Ареемъ, потомъ съ Анхизомъ, потомъ съ Адонисомъ, смерть котораго она оплакивала, ища своего возлюбленнаго: о ней говорятъ, что она сходила въ Адъ, чтобы отнять Адониса у Персефоны. Знаешь-ли ты, царь, что-либо худшее этой безумной, преступной, стонущей и сѣтующей богини?! ¹⁾.

4. И объ Адонисѣ говорятъ, что онъ богъ, тоже охотникъ и прелюбодѣй (*Ehebrecher*); о немъ рассказываютъ, что онъ померъ насильственно, такъ какъ будучи пораженъ дикимъ звѣремъ, не могъ помочь себѣ въ своемъ несчастіи. Какъ-же, такимъ образомъ, сдѣлается попечителемъ (*φροντίδα*) людей любодѣйца, охотникъ и насильственно убитый?! ²⁾.

5. Далѣе говорятъ о Реи, что она мать всѣхъ ихъ боговъ; и рассказываютъ о пей, что она имѣла своимъ воз-

вышеуказанными. Очевидно, это одва изъ неудачныхъ прибавокъ переводчика, объясняемая его стремленіемъ блеснуть своимъ, довольно подозрительнымъ, знакомствомъ съ мифологіей.

¹⁾ Въ послѣднемъ отдѣлѣ (3) Сириецъ добавляетъ раздѣленіе любовниковъ Афродиты на боговъ и людей; но единственное указаніе на послѣднихъ въ лицѣ Анхиза, существующее въ греческомъ текстѣ, онъ почему-то опускаетъ; быть можетъ потому, что личность этого героя для него была совершенно незнакома. Относительно Персефоны Сириецъ дѣлаетъ неудачное добавленіе, называя ее дочерью Ада, тогда какъ, извѣстно, она была дочерью Зевса.

²⁾ Съ именемъ Адониса Сириецъ соединяетъ имя Таммуца, указывая этимъ самымъ на близкое родство обоихъ этихъ боговъ. такое добавленіе Сирийца нельзя не признать удачнымъ, такъ какъ между этими двумя божествами можно провести близкую параллель и самымъ лучшимъ средствомъ познакомить сирийцевъ съ греческимъ культомъ Адониса было именно указаніе на хорошо извѣстный имъ сирскій культъ Таммуца.

любленнымъ Аттиса; она радовалась о погибшихъ людяхъ, но сильно сѣтовала и плакала по своему Аттисѣ. Если же эта мать боговъ не могла помочь своему возлюбленному и вырвать его изъ рукъ смерти, то какъ-же можетъ она помогать другимъ? Да и постыдно богинѣ сѣтовать и плакать, или радоваться о погибшихъ людяхъ.

6. Выводятъ еще въ качествѣ богини Кору, она была похищена Плутономъ и не могла спастись. Если-же богиня не можетъ себя спасти, то какъ-же станетъ она помогать другимъ? ¹⁾.

7. Все это и многое другое, гораздо постыднѣйшее и худшее рассказываютъ Эллины, царь, относительно своихъ боговъ, чего непозволительно не только говорить, но даже и вовсе въ мысляхъ носить. Откуда люди, взявши примѣръ нечестія отъ своихъ боговъ, творили всякое безобразіе и непристойность, оскверняя землю и воздухъ ужасными своими дѣянiями.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Покровский.

¹⁾ Пятаго и шестаго отдѣла этой главы нѣтъ въ современномъ греческомъ текстѣ; но пропускъ такихъ двухъ богинь, какъ Рея и Кора, легче можетъ быть отвергнуто, нежели принять. Непонятнымъ остается только то, почему Рея—мать всѣхъ боговъ, стоитъ у апологета чуть не въ концѣ всей генеалогіи? Вѣроятно тутъ виновата кака-либо простая случайность.